

УДК 82-92

РОССИЯ И ЕВРОПА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ

© 2013 С. Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 августа 2013 года

Аннотация: В статье анализируются публицистические произведения Д. С. Мережковского периода эмиграции, посвященные проблемам взаимоотношений России и Запада. Подчеркнута особенность освещения Мережковским русского пути в европейской истории.

Ключевые слова: Д. С. Мережковский, первая волна российской эмиграции, публицистика русского зарубежья.

Abstract: The public writings of D. S. Merezhkovsky devoted to interrelations of Russia and Europe are analyzed, the accent being made on the emigration period. The peculiarity of the Russian way (as described by D. S. Merezhkovsky) in the European history is stressed.

Key words: D. S. Merezhkovsky, the First Wave of Russian Emigration, Russian Emigre Public Writing.

Судьба России, ее особое место в европейской и — шире — мировой истории волновали Д. С. Мережковского-публициста всегда. В дореволюционный период, размышляя о преобразовании мира через духовное преображение человека, религиозную революцию, он отмечал особую роль России в возможном спасении человечества. Мережковский считал Россию стоящей как бы на грани двух миров — Востока и Запада. Запад виделся публицисту захлестнутым волной «удушающего мертвого позитивизма», от которого спасало лишь слабеющее христианство. А Восток, по его мнению, был уже побежден мещанством, усыплен проповедями умеренности, середины, растворения личности в целом. Он был солидарен с А. И. Герценом, называвшим восточную цивилизацию «мещанским болотом».

В статье «Грядущий Хам» Мережковский категорично заявлял: «Китайцы — совершенные желтолицые позитивисты; европейцы — пока еще несовершенные белолицые китайцы» [2, 17]. По его мнению, Россия, не принадлежащая ни к одному из этих миров, может избежать «мещанской» участи и встать на путь религиозного обновления. Мережковский видел в России, русских людях «нового религиозного сознания» искру, которая вызовет взрыв, коренное изменение в мировой культуре и цивилизации.

В литературно-критическом эссе «Л. Толстой и Достоевский» он сформулировал свое понимание «русской идеи», миссии России

по отношению к Европе: «Русским людям нового религиозного сознания следует помнить, что от какого-то неуловимого последнего движения воли в каждом из них — от движения атомов <...> зависят судьбы европейского мира <...>. Им следует помнить, что, может быть, не уйдут они от того дня расплаты, когда уже не на кого им будет сложить с себя ответственность и когда должны они будут сказать это последнее <...> единственно разумное слово:

Или мы, или никто» [4, 142].

Октябрьский переворот 1917 г. Мережковский не принял и добро-вольно покинул Россию. В его публицистике периода эмиграции тема исторического пути родины, места России в европейской истории и культуре получила особое звучание. Разработка «русской темы» рассматривалась им теперь как долг перед родиной, перед Европой и миром в целом. Миссию русской эмиграции он сформулировал так: «Мы, русская диаспора — воплощенная критика России, как бы от нее отошедшая мысль и совесть, суд над нею, настоящей, и пророчество о ней, будущей. Да, мы — это или — ничто» [5, 236]. Обращаясь к эмигрантам, он утверждал: «Мы поняли бытие России национальное. Но этого мало. Нам нужно повернуться лицом к Европе, к миру, чтобы понять и бытие России всемирное» [5, 246].

Мережковский осознавал связанные с выполнением миссии трудности и ответственность эмигрантов за судьбу не только родины, но и мира. В статье «О свободе и России» он отмечал: «Тяжела и грозна павшая на нас ответ-

ственность: мы ведь сейчас, может быть, отвечаем не только за Россию, но и за мир, нами оставленный» [5, 248]. В статье «Наш путь в Россию» он писал от имени всех эмигрантов: «Надо лишиться земли, чтобы полюбить ее неземною любовью. Наша неземная, бесконечная любовь к России — бесконечная сила» [5, 271].

По его мнению, «русская трагедия не только русская, национальная» [5, 246], «гибель России есть гибель Европы, гибель мира» [5, 170]. Мережковский был уверен, что «большевизм — гибель не только России, но и всего культурного человечества» [5, 88]. «Центр мировой тяжести сейчас — в России, Европа погибнет или спасется не без России. Это и значит: мы потеряли все, кроме нашей всемирности», — отмечал он в «Записной книжке» [5, 80].

В статье «Царство Антихриста» Мережковский показал неразрывную связь судеб России и Европы. Он уверен, что «между нынешней Россией, большевистскою, и Россией будущей, освобожденною, Европа, хочет того или не хочет, будет вдвинута» [5, 5]. Он убежден, что всемирно-историческими судьбами, русскими и европейскими, вопрос поставлен именно так: «большевики, Европа и Россия». По его мнению, «мировая война слишком глубоко вдвинула Россию в Европу, чтобы можно было их разделить. Должно учесть, как следует, безмерность того, что сейчас происходит в России. В судьбах ее поставлена на карту судьба всего культурного человечества» [5, 22].

Публицист, как и многие русские эмигранты, в частности, И. А. Бунин, настойчиво предупреждал Запад об угрозе большевизма, обращая внимание на «тихое просачивание большевистского ядра в самое сердце Европы» [5, 94]. Он предостерегал, что в противном случае «душевная болезнь» [5, 15] большевизма захлестнет и западный мир, посеет и в Европе «равенство в рабстве, в смерти, в безличности, в Аракчеевской казарме, в пчелином улье, в муравейнике или в братской могиле» [5, 16], ведь «русский пожар — не только русский, но и всемирный» [5, 18]. Эта убежденность во всемирном значении свержения большевиков звучит во всех публицистических произведениях Мережковского периода эмиграции.

В статьях, эссе, открытых письмах, опубликованных на страницах периодики русского зарубежья («Свобода», «Последние новости», «Общее дело», «Руль», «Новая русская жизнь», «Современные записки», «Возрождение», «Новый корабль», «Звено», «Сегодня», «Меч»), Д. С. Мережковский неустанно разоблачал новую власть в России. Большевизм для публициста — «Царство Антихриста» (именно так Мережковский назвал свою программную статью, опубликованную

в парижской газете «Общее дело» в 1921 году), «воплощение Зла Абсолютного — Дьявола» [5, 9], «религия дьявола» [5, 27].

Представители новой власти для него — «сыны дьявола, лжецы и че-ловекоубийцы от начала» [5, 9], марсиане из «Борьбы миров» Уэллса, «существа иного мира, их тела — не наши, их души — не наши. Они чужды нам, земнородным, неземною, трансцендентною чуждостью» [5, 132-133], он относится к ним, как к палачам России. «Красное знамя в руках большевиков сделалось знаменем своболюбийства, братоубийства» [5, 117], — утверждал он в статье «Савинков и Врангель». «Пока жив большевизм, свобода мертва» [5, 10], — неустанно повторял он в публицистических выступлениях периода эмиграции.

Мережковский разоблачал большевизм в политическом плане, срывая с него революционную личину. Приход к власти большевиков он называл Октябрьской контрреволюцией. По его мнению, новая власть лишь заменила самодержавие хамодержавием, осуществив пришествие Грядущего Хама (которое публицист предрекал в одноименной статье 1905 года), по сути, восстановив и укрепив деспотизм. «Русская революция опрокинула самодержавие, но не разрушила. Самодержавие царя — пирамида острием вверх: один поработает всех. Самодержавие народа — также пирамида, острием вниз: один поработается всеми. Но сила гнета, тяжесть рабства в обоих случаях одинакова» [5, 59], — отмечал он в «Записной книжке», опубликованной в газете «Свобода» в 1920 г.

Публицист не считал большевизм революционным движением, для него это «величайшая реакция, которую можно себе вообразить, — разрушение культуры и упразднение свободы и принципа личности» [5, 35]. Отметим, что в своих статьях Мережковский четко разводил два понятия — большевизм и социализм. По его мнению, новая власть в России «только прикрывается знаменем социализма, <...> позорит святыне для многих идеалы социализма» [5, 38]. Мережковский показывает, что все в большевизме основывается на тотальном извращении понятий, на лжи и насилии: провозглашенные на словах «мир, хлеб, свобода» на деле означают «война, голод, рабство». Он считал, что «впервые на земле явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловеческое, дьявольское» [5, 10].

Публицист считал виновниками бездуховности, воцарившегося хамства в России не только большевиков. Удручало его то, что «русский народ — пусть даже не весь, а только малая часть его, <...> оказался сообщником убийц России; что с такой внезапной легкостью предал он свою тысячелетнюю святыню — христианство — и надругался над ней» [5, 493].

Исторический путь родины Мережковский представил в созданной им «теории трех Рос-сий»: «Россия первая – царская, рабская; Рос-сия вторая – большевистская, хамская; Россия третья – свободная, народная» [5, 6]. Он уверен, что существо третьей России должно быть религиозным. В статье «Царство Антихриста» обозначено предвиденье не только «третьей России», но и «третьей Европы». По его мнению, «третьей» будет та Европа, которая переживет не только политические и социальные, но и серьезные религиозные изменения. Мережковский, ставший свидетелем трех русских революций, не переставал мечтать о подлинной революции духа, которая будет всемирной.

По его мнению, только религиозная революция победит «буржуйно-большевистскую реакцию», объединит всех христиан в религии «Третьего Завета», утвердит истинную свободу, равенство, братство. Публицист часто размышлял о религиозном содержании революции, которая призвана «утвердить свободу со Христом – Абсолютною Личностью» [5, 28]. Результатом такой революции, по мнению Мережковского, станет общая судьба Запада и России. Он считал, что Россия ближе к грядущему воскресению и спасению, чем благополучные европейские народы. По мысли Мережковского, страдающая Россия поставлена самой жизнью в такие условия, выходом из которых может быть лишь полное преобразование.

Отметим, что Мережковский не раз обращал внимание собратьев по перу на узость, ограниченность подходов к обсуждению происходящего на родине. В статье «Моя обманутая вера в Польшу» он утверждал, что «понять, или хоть приблизиться к пониманию происходящего в его сути, уловить единую линию, можно лишь став на самую глубокую точку зрения – религиозную» [5, 177].

Декларируемое «невмешательство» европейских стран в происходящее с Россией он расценивает как вмешательство в русские дела, но в пользу большевиков. Неустанно Мережковский заклинал христианскую Европу осознать всю глубину русской исторической трагедии, а также смертельную угрозу ее собственному существованию. В статье «Чем это кончится?» он апеллирует к опыту древней истории: «Большевизм – у ворот, как древний конь с данайцами. И никем не услышан вопль Кассандры пророчицы: «Если конь войдет, пал Илион!» Наш вопль не услышан никем» [5, 158].

В статье «Моя обманутая вера в Польшу» он удивлялся «опасному ослеплению многих в Европе» [5, 179] и замечал: «Европа жаждет мира и спокойного труда. И обманывает себя, думая,

что может достичь успокоения, пока Россия задыхается под игом новых варваров. Обманывает себя, считая, что может экономически преуспевать, пока целый соседний народ вымирает от голода, убеждая себя, что застрахована от внутренних потрясений, хотя у III Интернационала есть такая база, как Россия» [5, 177-178].

Следует отметить, что, находясь в начале эмиграции в Варшаве, Мережковский надеялся на свержение большевиков при помощи польского военного вмешательства, встречался с И. Пилсудским. В беседе с редактором и издателем газеты «Наш край» (Вильно) он уверенно заявлял: «Польша образует сегодня вал от затопления Европы большевизмом. Поэтому роль Польши исключительно ответственна» [5, 35]. Но эти надежды не оправдались, в 1920 г. в Минске было подписано советско-польское перемирие, после чего Мережковский покинул Варшаву и до конца жизни находился в Париже.

Впоследствии в «крестовом походе против коммунизма» он возлагал надежды на Муссолини, затем на Гитлера, видя в них «орудие» в борьбе с большевиками. По-прежнему нетерпимо относясь ко всем формам тоталитаризма, он надеялся, что большевизм и нацизм уничтожат друг друга.

Убеждая европейцев, что, «борясь за свободу России, мы боремся и за свободу мира» [5, 246], Мережковский обращался с открытыми письмами к верховному комиссару Лиги Наций Нансену, римскому папе Пию XI, писателям Герберту Уэллсу, Гергарту Гауптману. В открытом письме к редактору парижской газеты «Ля Орде» Эмилю Бюре Мережковский подводил горькие итоги своей шестилетней политической деятельности в эмиграции. Он писал: «<...> я обивал все пороги, лазал на все чужие лестницы, и отовсюду вытолкнут хуже, чем бесстыдный нищий, – как последний дурак <...>. Руки мои избиты до крови даже не о запертые двери, а о глухую стену. В вашей европейской «свободе», в страшном бесчувствии вашем к вашей же собственной гибели, я задышался, как задыхаются люди, посаженные в чекистскую камеру с пробочными стенами» [5, 239].

В письме к Гергарту Гауптману Мережковский жестко оценивал «невмешательство» Европы в русские дела: «Совершается злодейство, от начала мира небывалое: великий народ убивает кучка злодеев и все остальные народы умывают руки или помогают убийцам» [5, 164-165].

В статье «Федор Михайлович Достоевский. 1821-1921» он утверждал: «наш русский апокалипсис в России начался – в Европе кончится; наша гибель есть гибель Европы, наше спасение – спасение Европы» [5, 186].

Надо сказать, что пафосом противостояния «царству Антихриста», обращениями к Европе, призывающими бороться с большевиками, пронизаны фактически все книги писателя периода эмиграции, по содержанию своему непосредственно с актуальными событиями не связанные, но именно современностью вдохновленные и продиктованные. Погружаясь в глубины веков, Мережковский не утрачивает живой и необходимой связи с проблематикой своего времени, постоянно эту связь акцентирует. В заключительной части книги «Жанна д'Арк» он замечал: «Слишком часто в политике прощается подлость, реже — глупость, но никогда подлость, соединенная с глупостью, а попытка Европы включить русскую коммунистическую партию как законное русское правительство и равноправную великую державу в систему европейского мира и есть именно такое соединение глупости с подлостью» [3, 319].

Мережковский тревожно осознавал срединное положение Европы между двумя враждебными силами: «В нижнем этаже — пороховой погреб фашизма; в верхнем — советская лаборатория взрывчатых веществ, а в среднем — Европа, в муках родов: мир хочет родить, а рождает войну» [1, 15].

Следует отметить, что о нарастающей угрозе Второй мировой войны писатель предупреждал еще в 1930 году, за 9 лет до ее начала: «Нынешняя Россия — продолжающаяся первая война и готовящаяся вторая, мост между ними; по тому, как Европа укрепляет его, видно, как ее «ночная душа» тянется к войне» [5, 16].

В одной из последних своих статей «Тайна русской революции: Опыт социальной демонологии», написанной в 1939 году и впервые опубликованной только через 60 лет, Мережковский пророчески заметил: «Все человечество в наши

дни — под ношею крестною, но на России сейчас — самый острый край креста, самый режущий. Глубина неутоленного страдания — глубина наполненной чаши. Никогда еще не подымало человечество к Богу такой глубокой чаши, как в наши дни, и эта чаша — Россия» [5, 558].

Однако даже в тревожные дни предощущения мировой катастрофы он с верой в свою родину и народ утверждал: «Россия гибнущая, может быть, ближе к спасению, чем народы спасающиеся, распятая — ближе к воскресению, чем ее распинающие» [5, 558].

Революционные потрясения, угроза новой мировой войны заставили Д. С. Мережковского еще сильнее уверовать во всемирное предназначение России, в осуществимость «русской идеи». В его публицистических произведениях периода эмиграции звучит убежденность в том, что именно повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», которое другие народы завершат.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мережковский Д. С. Атлантида-Европа : Тайна Запада / Д. С. Мережковский. — М. : Русская книга, 1992. — 416 с.
2. Мережковский Д. С. Грядущий Хам / Д. С. Мережковский // Большая Россия : Избранное. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. — С. 13-45.
3. Мережковский Д. С. Лица святых от Иисуса к нам / Д. С. Мережковский // Собр. соч. — М. : Республика, 1997. — Т. 2. — 364 с.
4. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский // Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М. : Республика, 1995. — 618 с.
5. Мережковский Д. С. Царство Антихриста : Статьи периода эмиграции / Д. С. Мережковский / [сост., комментарии О. А. Коростелева и А. Н. Никулюкина; посл. О. А. Коростелева]. — СПб. : РХГИ, 2001. — 656 с.

Гладышева С. Н.
Воронежский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории журналистики.

Gladysheva S.N.
Voronezh State University. Candidate of Philology,
Associate professor (docent) of department of history of
journalism.